

НОЧНОЕ ЗРЕНИЕ

* * *

На Сиреневом бульваре,
где едва ли вы бывали,
на Сиреневом бульваре,
где едва ли я бывал, –
разве только в прошлой жизни,
да и то в её начале,
на сирень полюбоваться
приходил я на бульвар.

Пятипалая – на счастье –
счастье было безгранично,
дымчатая – задыхался –
дым стоял сплошной стеной.
А когда в метро спускался –
уносила электричка:
то ли веточку сирени,
то ли крылья за спиной.

* * *

Люблю Ордынку спозаранку –
ночную не люблю Москву,
и, вывернутый наизнанку,
вовнутрь иглами живу.
И раню, раню, раню, раню,
и удивляюсь, что живой,
себя Замоскворецкой ранью
и предрассветной Моховой.

* * *

что до прошлого в прошлом
и не думай вернуть
в пионерском безбожном
приблатнённом чуть-чуть
приворотном приставку
«при» как сопли утри
и на будущность ставку
сделай или умри.

* * *

Памяти поэтов

Эта магия цифири –
27 и 37;

беззащитные, как в тире,
улетели насовсем.

Пропадай 1/6,
синим пламенем горя...
Из потерянного мая,
из больного декабря.

* * *

Изобретатель тишины
и мрака первооткрыватель,
я посещаю ваши сны,
пока вы маетесь в кровати.

Я обживаю их тайком
и подбираю им названья,
овладевая языком
потустороннего сознания.

Струись из-под закрытых век
на простыню изображение,
пока не вспыхнет яркий свет
и не уйдёт ночное зренье.

* * *

В знак благодарности за то –
за что, и сам забыл,
на крыльях старого пальто
я над землёй парил.

Пока оно не расплзлось
от старости по швам,
и я, как долгожданный гость,
с небес спустился к вам.

А там ждала моя семья,
чтоб отвести к врачу.
Ах так! – тогда навечно я
в дублёнке улечу.

* * *

Ты героиня моего
в печи сгоревшего романа,
но знай – я воскрешу его
из пепла поздно или рано.

Я снова жизнь в него вдохну
и крылья дам ему, как птице,
чтоб замолить свою вину
на 62-й странице.

* * *

белкой по древу познания стрелкой
на пустоту опершись
хлопать глазами прикинуться целкой
всё понимая про жизнь

всё понимая от этого хуже
слышишь не думай о ней
но ядовитую воду из лужи
как родниковую пей

* * *

Не тающий – как в сказках –
давно растаял снег.
И мчится на салазках
по склону человек.

И там на склоне неба
и лет – всегда весна.
И умирать нелепо
и весело весьма.

На старом кладбище

Здесь такая трава...
Здесь улитки такие...
Здесь о смерти слова
беспечальны впервые.

Словно о Ходасе –
беспечальны и строги,
хоть просрочены все
воскрешения сроки.

* * *

С. Г.

Уехать на попутке
и наплевать на вся;
читать вторые сутки
водиле Ходася.

И на вопрос шофёра
ответить: «Всё путём
зерна». А жизнь как фора
аукнется потом.

Ну а покамест в голос
судьбу и трассу крыть.
И сердце, будто скорость,
на пятую врубить.

* * *

Польхают осины – синим,
белым пламенем – тополя.
Сушь вторую неделю. С сыном
на Полесье приехал я.

Дым отечества. Смех и слёзы.
Малой родины мумиё.
Сын плюёт на мои невроты
и тем более – на неё.

Мальчик шпрехает на иврите,
я не шпрехаю – я молчу, –
фаршированной щукой в Припяти
запоздало икру мечу.

Ближе к осени – ниже небо.
Птицы глуше. Темней вода.
И горят капитана Немо
обезвоженные суда.

* * *

Поживу-ка растением я,
без любви, как без солнечной влаги:
лебедой посреди пустыря,
резедой в безымянном овраге.

И, завидуя тайно хвощу,
повилике, крапиве, пырею,
я на волю любовь отпущу,
и, конечно, потом пожалею.

* * *

поджав колени к животу
укрывшись с головой
уподобляешься кусту
становишься травой
отечеством для муравьёв
и родиной для птиц
пчелиной музыкой без слов
не знающей границ

* * *

Дождаться момента и – сгинуть,
пропасть ни за что ни про что,
но оцепенение скинуть,
стряхнуть, как снежинки с пальто.

И вычеркнуть, к счастью, из списка
навечно себя самого –
из списка загробного Пинска,
Небесного Царства его.

* * *

Стихи о зиме
в середине июля,
застряли во мне,
будто в дереве пуля.

Болезнь – не болит,
но саднит еле-еле.
Цветением лип
пропитались метели.

* * *

Как стемнеет – выходит на дело, –
обывателей сводит с ума,
в белом платье на голое тело
отмороженная зима.

На свободе чуть больше недели,
но уже натворила делов.
И блатную музыку метели
у камина мурлычу без слов.

* * *

Однодневная щетина
выросла у мертвеца,
и в ответе сын за сына
за отсутствием отца.

За присутствием печали,
за наличием тоски,
тихо ангелы летали,
рвали сердце на куски.

* * *

На конечной остановке
у начала всех начал
после реформировки
я на время замолчал.

Чтоб скрестить опять и снова,
расквитавшись с немотой,
новорожденное слово
с безъязыкой пустотой.

* * *

По дорожке,
по тропинке,

бродят кошки,
выгнув спинки.

Время страсти:
месяц март.
Всё во власти
звёздных карт.

* * *

На фоне усталости –
тот ещё фон –
фальшивлю – как в старости
магнитофон.

Недолгая пауза –
смерти родня.
Осипшая «Яуза»
вроде меня.

* * *

Только резких движений не надо
и о дерзких поступках забудь;
стань листвой из осеннего сада,
не мечтающей лето вернуть.

А лежащей – не мёртвой, но мятой
и омытой дождями листвой,
чтоб уже никогда на попятный:
хоть ты волком, хоть ветром завой.

* * *

Восемь строк – восьмистишье.
Оболочка тесна:
Перед бурей затишье
наподобие сна.

Наподобие жизни
только с виду большой;
ровно восемь – но втисни
всё, что есть за душой.